

Расставшись с Чан Яном, Линь Цинью сразу же вернулся в Павильон Голубого Ветра. О том, что произошло в саду за домом, ему должна была рассказать Хуа Лу. После этого появились новости из Павильона Спящей Луны; Наньань Хоу провел ночь, допрашивая Лу Цяосуна. Сначала тот категорически отрицал обвинения. Позже Наньань Хоу вызвал для допроса молодого слугу, который следовал за Лу Цяосуном в резиденции и за ее пределами. Только тогда Наньань Хоу узнал, что Лу Цяосун провел большую половину прошлого месяца, ночуя в царстве нежности и ласки снаружи*.

[Примечание: 温柔 / wēnróuxiāng. 1) царство нежности и ласки, уютное гнёздышко; 2) перен. нежные объятия женщины.]

Видя, что дело раскрыто, Лу Цяосун сказал, что он искал только цингуань* - тех, кто зарабатывал на жизнь искусством, но не продавал свое тело. Он утверждал, что просто проводил с ними* поэтические конкурсы, дегустировал вина и наслаждался музыкальными выступлениями; он никогда не нарушал правил.

[Примечание: * 青楼 / qīnggōu. стар. воспитанница публичного дома (по малолетству ещё не принимающая клиентов)]

**«Они» здесь - это общее «青楼», которое предполагает, что это смесь мужчин и женщин. Скорее всего, учитывая обстановку романа, в борделях можно встретить как мужчин, так и женщин. Исторически, однако, бордели - это исключительно женские заведения. Есть ли бордели только для мужчин, я действительно не знаю.]

Когда Наньань Хоу услышал слово «они», то пришел в еще большую ярость. Он дал Лу Цяосуну пощечину и наказал его целым днем размышлений о своих поступках в зале предков и заключением в резиденции на месяц. Наньань Хоу также перенес свой гнев на Лу Цяосуна на Лян Ши, сделав ей выговор за то, что она неправильно воспитала своего сына. Если она не могла контролировать поведение собственного сына, как она могла надеяться должным образом управлять такой огромной резиденцией Хоу?

Линь Цинью услышал это и спросил: «Это все? Было что-нибудь еще?»

Хуань Тун покачал головой.

«Ничего».

Линь Цинью холодно усмехнулся: «Если не считать размышлений, это просто заключение. Как скучно».

«Шаоцзюнь, шаоцзюнь. — Хуа Лу поспешно выбежала из спальни. — Молодой господин, кажется, снова болен!»

Была середина лета, и Лу Ваньчэн вчера страстно желал чего-нибудь холодного. Он съел две грозди красного винограда, охлаждённого колодезной водой. Через полдня у него поднялась температура. К счастью, это была всего лишь небольшая температура. У Лу Ваньчэна была ясная голова, но его лицо выглядело тревожно нездоровым.

Линь Цинюй проверил его пульс и спросил: «Красный виноград был восхитительным?»

Лу Ваньчэн уютно устроился в своем одеяле, его глаза наполнились горечью, когда он сказал: «Да, он был восхитителен, я не мог сдержаться».

Линь Цинюй прищурился, глядя на него.

«Не сердись. — Лу Ваньчэн приложил все свои силы, чтобы потянуть Линь Цинюй за рукав. — Я знаю, что был неправ... кха-кха».

Линь Цинюй посмотрел вниз на руку Лу Ваньчэна, такую тощую, что можно было разглядеть кости. Его первоначальный гнев исчез.

«В следующий раз, когда ты будешь есть так безрассудно, я больше не буду заботиться о тебе».

Лу Ваньчэн слабо улыбнулся.

«Твоя угроза слишком страшна. Мне так страшно».

Линь Цинюй не хотелось опускаться до уровня своего пациента. Он сел за стол, чтобы выписать рецепт для Лу Ваньчэна.

Лу Ваньчэн лег на кровать и вздохнул.

«Почему я заболеваю каждый раз, когда пытаюсь разыграть спектакль? Неужели это Небо говорит мне, что я гожусь только для того, чтобы лежать?»

«Нет, — безжалостно сказал Линь Цинюй, — Небеса говорят тебе есть меньше холодного».

С болезнью Лу Ваньчэна в Павильоне Голубого Ветра наступил период мира. В этот день Пань Ши отправилась в Павильон Голубого Ветра навестить больного. Лу Ваньчэн отдыхал после приема лекарства, и ему было неудобно встречаться с гостями. Линь Цинюй встретился с Пань Ши в главном зале за чаем, и они поговорили об общих делах резиденции.

Для своего досуга Лу Цяосун содержит в резиденции множество певцов и артистов. В это время он был ограничен и не мог выходить повеселиться на улицу, поэтому у него не было

лучшего выбора, кроме как искать удовольствия с ними. Самое неловкое было то, что Павильон Циндай уже не мог сводить концы с концами; эти артисты пели и играли на своих инструментах, но совсем не получали денег. Несколько артистов услышали, что резиденция Хоу теперь находится в руках Пань Ши и шаоцзюня. И вот, они отправились в Павильон Спящей Луны к Пань Ши, прося свою ежемесячную зарплату.

Пань Ши беспомощно сказала: «В резиденции Хоу никогда не было правил, предусматривающих ежемесячно оплачиваемых артистов. Раньше они зарабатывали на жизнь, полагаясь на награды от третьего молодого господина. Теперь, когда третий молодой мастер сам еле сводит концы с концами, где он найдет лишние деньги, чтобы вознаградить их?»

Линь Цинюй небрежно сказал: «Почему они не пришли ко мне?»

Губы служанки Пань Ши дрогнули.

«Как бы они посмели? Только потому, что они увидели, что у Пань Иньян такой хороший характер, они осмелились поднять шум в Павильоне Спящей Луны».

Линь Цинюй замолчал и глубоко задумался, и Пань Ши больше ничего не говорила, боясь потревожить его. Через некоторое время Линь Цинюй спросил: «Если ты не дашь им денег, что с ними будет?»

«Павильон Циндай не может содержать так много людей, поэтому их можно только отослать прочь».

«Если ты отошлешь их, кто останется, чтобы угодить третьему брату? — Линь Цинюй слабо улыбнулся, это даже показалось немного сострадательным. — Поскольку они нравятся третьему брату, как я могу, как его старшая невестка, не помочь ему придерживаться его принципов?»

Пань Ши не была уверена в значении слов Линь Цинюй и осторожно сказала: «Шаоцзюнь имеет в виду...»

«Скажите им, что резиденция Наньань Хоу не содержит бесполезных людей. Ежемесячные расходы Павильона Циндай уже значительно превысили лимит. Мастер Хоу уже в ярости из-за истощения почек третьего молодого мастера. Резиденция Хоу больше не может продолжать содержать их всех, самое большее... только половина из них может остаться. Смогут ли они остаться или нет, решать им самим».

Пань Ши не осмеливалась много думать об этом и просто издала тихий звук согласия.

Артисты в Павильоне Циндай были, в основном, сиротами, без отцов и матерей. Они наконец-то нашли щедрого господина; они могли бы жить в резиденции Хоу, есть и пить досыта. Если бы

их не вынудили, кто бы захотел уйти?

Несмотря на то, что Лу Цяосун был распущенным и распутным, на самом деле, он был довольно придирчивым. Хотя он содержал их во дворе, большую часть времени он только слушал, как они поют популярные мелодии, или приказывал выступать при гостях, чтобы повысить его престиж. Иногда он выбирал одного из артистов, чтобы одарить своей благосклонностью. Именно из-за этого Наньань Хоу и Лян Ши могли терпеть их пребывание в резиденции.

Как домашние проститутки, единственное, на что они могли положиться – это благосклонность господина. Теперь, когда половину из них собирались отослать, им приходилось бороться за благосклонность.

На следующий день Линь Цинюй попросил Хуань Туна вынести все закопанные под деревом банки с лекарствами. Он сушил их в течение трех дней, измельчил в порошок, поместил в посуду для благовоний и отдал Чжан Шицюаню.

Этот аромат был сильным, и как только вы подвергались его воздействию, он сохранялся на долгое время. Линь Цинюй закончил готовить лекарство и пошел принять ванну и переодеться, прежде чем вернуться в комнату.

Лу Ваньчэн лежал в постели и читал книгу. На этот раз его болезнь не была серьезной, она просто беспокоила. Его состояние не улучшилось и не ухудшилось. За эти короткие несколько дней все запасы здоровья его тела, накопленные за последние месяцы, были практически израсходованы. Его лицо и губы побледнели, весь он выглядел измученным. Только пара его улыбающихся глаз оставалась невозмутимой.

Линь Цинюй каждый день перед сном проверял пульс Лу Ваньчэна, и сегодняшний вечер не был исключением.

Лу Ваньчэн уловил исходивший от него едва заметный запах, и спросил: «Ты пользовался благовониями?»

Линь Цинюй убрал руку.

«Нет».

«Очевидно, да. — Лу Ваньчэн приблизился к Линь Цинюй, его нос слегка шевельнулся. — Что это за аромат? Так вкусно пахнет».

Линь Цинюй нахмурился и оттолкнул его.

«Это то, что ты не должен нюхать».

Лу Ваньчэн понял и с улыбкой сказал: «Я понимаю. Что-то ядовитое».

Линь Цинюй на мгновение заколебался, но не стал отрицать.

«Тогда вопрос в том, кого ты хочешь отравить? Должно быть, это кто-то, кто недавно обидел тебя. — Лу Ваньчэн пару раз кашлянул и спросил: — Это Лу Цяосун?»

Линь Цинюй молчал.

Лу Ваньчэн снова сказал: «Некоторое время назад ты составил рецепт. Я спросил, что это за лекарство, и ты сказал - лекарство для веселья. Так что ты мне не солгал. Я помню, что живущие в резиденции артисты не могут покидать дом без разрешения. Что бы они ни хотели купить, им придется обратиться за помощью к знакомым слугам».

«...»

«Подводя итог, ты хочешь, чтобы Лу Цяосун умер самым неподобающим образом, во время секса. Только потому, что он унизил тебя».

Кадык Линь Цинюй дернулся. Глядя прямо перед собой, он спокойно сказал: «Да. Что? Ты не думаешь, что он заслуживает смерти? Думаешь, что мои методы слишком жестоки?»

Лу Ваньчэн улыбнулся. Он сказал, намеренно разозлив его: «Кажется... немного?»

«О, думай, что хочешь. — Линь Цинюй выглядел совершенно спокойным и собранным. — Лу Цяосун использовал сексуальные вопросы, чтобы оскорбить меня. Он также оскорбил тебя. Он даже хотел использовать Чан Яна, чтобы разрушить мою репутацию. Даже если его преступление не заслуживает смерти, его смерть сделает меня счастливым. И я собираюсь это сделать - я хочу быть счастливым, это очень просто».

Перед другими он никогда не показывал, что его истинная натура отличается от его внешности. У его родителей был хороший темперамент, и они никогда не делали ничего, что могло бы навредить другим и принести пользу им самим. Прежде чем выйти замуж в резиденцию Хоу, он был либо со своими родителями, либо со своим мастером и другими учениками, читая книги добродетельных мудрецов. Это позволяло легко подавлять его темную сторону. Но как только он вошел в резиденцию Хоу, злоба, которую он не мог реализовать из-за других, вырвалась наружу, как из разбитого колодца. К счастью, он был в здравом уме и рассудке; он знал, что находится в ситуации, когда навлечет на себя гибель, если будет действовать опрометчиво.

Пока Лу Ваньчэн не сказал, что ему нравится, когда он делает плохие вещи, и даже поощрял и помогал ему делать плохие вещи.

Это Лу Ваньчэн сделал его таким. Какое право имеет Лу Ваньчэн обвинять его в излишней жестокости?

Молодой мастер Хоу ничего не сказал, просто спокойно смотрел на него.

Внутренне Линь Цинъюй немного волновался. Он закрыл глаза и сказал: «Более того, пока он будет следовать указаниям лекаря и не прикаснется к этим певицам и артистам, он может не умереть».

Лу Ваньчэн наконец рассмеялся и тихо вздохнул: «Цинъюй, ты действительно достоин быть... Цинъюй».

Его голос казался восхищенным; он казался взволнованным; он казался очарованным. От его слегка низкого голоса узел в груди Линь Цинъюй невольно расслабился.

Лу Ваньчэн добавил: «Но...»

Лицо Линь Цинъюй снова медленно помрачнело – Лу Ваньчэн все еще осмеливается добавить «но»?

Лу Ваньчэн улыбнулся и сказал: «Но в следующий раз, когда ты будешь делать плохие вещи, можешь взять меня с собой?»

Глаза Линь Цинъюй расширились.

«Я же сказал, мне нравится это видеть».

«...»

Линь Цинъюй опустил глаза; его длинные дрожащие ресницы, казалось, выдавали мысли их господина.

«Хорошо? Цинъюй?»

Линь Цинъюй медленно поднял голову, пристально посмотрел на Лу Ваньчэна и тихо сказал: «Хорошо».

Переводчику есть что сказать:

ессо: Вот что делает этот негодяй? Тихой сапой крадет сердечко красавчика-отравителя!

<http://bllate.org/book/15122/1336639>